

УДК 316.74:316.334.56

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68

Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье

М. В. Кильдеев

*ГБУ «Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», Казань, Россия
makhmud_e@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается городская религиозность в качестве универсального, функционального явления для общественных систем. Цель статьи — дать социологическую характеристику состояния мусульманской религиозности в городах советского Среднего Поволжья. Проблемой статьи является устойчивость городской мусульманской религиозности в условиях унификации и стандартизации городской жизни. Идеи и методы сельско-городской социологии и чикагской социологии города приложены к изучению мусульманской религиозности в Среднем Поволжье в советский и постсоветский периоды. Рассматриваются подходы советских исследователей религиозности, показаны достоинства и недостатки, обусловленные в основном неавтономным статусом социологии религии в СССР. Реализация цели исследования потребовала привлечения в качестве эмпирической базы большого объема историко-социологического материала. Для оценки актуального состояния проблемы было проведено интервьюирование, в котором приняли участие 104 горожанина-татарина — жители окраинного жилого массива г. Казани. Метод исследования — телефонное интервью. Религия и религиозность в статье рассматриваются как пространственное явление, как адаптивный ресурс социума, как фактор поддержания социального порядка. Исследование позволило выявить ряд условий, способствующих сохранению религиозности в городских условиях. Определено, что религиозность городских и сельских татар в советские времена имела общие свойства, включая отсутствие у верующих стремления к демонстрации своей религиозной идентичности, поверхностное знание ими основ вероучения, неотделимость национальных, семейных традиций от религиозных, «фемининность», «обрядовость» и т. д.

Ключевые слова: городская религиозность, секуляризация, «советский ислам», Среднее Поволжье

Для цитирования: Кильдеев, М. В. Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье / М. В. Кильдеев. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 53–68.

Urban features of Muslim religiosity in the Middle Volga region

Mansour V. Kildeyev

*"Navigator" Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Kazan, Russia
makhmud_e@rambler.ru*

Abstract. The article examines urban religiosity as an essential and functional phenomenon for all social systems. The article aims to provide a sociological description of Muslim religiosity in the urban area of the Soviet Middle Volga region. During the pre-revolutionary and Soviet periods, the study of religiosity was primarily focused on rural areas. As the Russian state's modern agrarian policy stimulates urbanization, and the rural population in Central Russia rapidly declines, the topic of urban religiosity has become increasingly important. The aim of this article is to examine the stability of Muslim religiosity in the conditions of unification and standardi-

zation of urban life. To achieve this, the study applies the concepts and techniques of rural-urban sociology and the Chicago school to the analysis of Muslim religiosity in the Middle Volga region during both the Soviet and post-Soviet periods. To achieve the aim of the study, a significant amount of historical and sociological material was necessary as an empirical base. In order to investigate the issue, interviews were conducted with 104 Tatar residents of the suburban area of Kazan. The research method is a telephone interview. The article considers religion and religiosity as a spatial phenomenon, as an adaptive resource of society and as a factor in maintaining social order. The study identified several conditions that contribute to the preservation of religiosity in urban areas. It has been determined that the religiosity of urban and rural Tatars during Soviet times shared common characteristics. These included the lack of a desire among believers to demonstrate their religious identity, their superficial knowledge of the basics of dogma, the inseparability of national, family traditions from religious ones, "femininity", "rituality", etc. Within Soviet cities there were different transitional types of settlements and zones. Believers preferred to settle on the outskirts of cities, which attracted them with the opportunity to lead a lifestyle close to that of a peasant. The demarcation between the two types of religiosity occurs in the post-Soviet period.

Keywords: urban religiosity, secularization, "Soviet Islam", Middle Volga region

For citation: Kildeev, M. V. (2024). Urban features of Muslim religiosity in the Middle Volga region. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 53-68. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68

Введение

Интерес общественных наук к городской религиозности появился в начале 20 века в связи с необходимостью изучения процессов приспособления религиозных сообществ, в том числе мигрантских, к жизни в современном городе. У этого направления исследований нет богатой предыстории в виде дореволюционных этнографических обследований как у исследований сельской религиозности. В дореволюционный и советский периоды изучение религиозности населения локализовалось преимущественно сельской местностью. В связи с тем, что современная аграрная политика государства стимулирует урбанизационные процессы, и численность сельского населения в средней полосе стремительно сокращается, тема городской религиозности вышла на передний план. Изучение городской религиозности берет начало не только в социологии религии, но и в социологии города, возникшей в те же десятилетия.

Проблемой статьи является устойчивость городской мусульманской религиозности в условиях унификации и стандартизации городской жизни. Цель исследования — изучение советской и постсоветской городской религиозности на примере городов Среднего Поволжья. Регион выбран в качестве объекта как исторически сложившаяся область, которая считается регионом традиционного распространения ислама.

Актуальность темы исследования определяется тем, что советский атеизм наложил отпечаток на духовную жизнь народов Российской Федерации. И современная массовая религиозность, и современный атеизм во многом являются продуктом той эпохи. Ретроспективное изучение городской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье имеет значение для установления преемственности между советской (модернистской, традиционалистской, «обрядовой» и «бытовой») и современной (неотрадиционалистской, фундаменталистской и прочей) религиозностью.

Литературный обзор

Особую ценность для понимания феномена городской религиозности представляют классические труды М. Вебера, Г. Ле Бра, П. Сорокина [1], Л. Вирта, Э. Берджесса. Основы понимания современного города как секуляризованного пространства заложены М. Вебером. Капиталистический город «западного» типа подрывает сословные и религиозные иерархии, в отличие от «восточного» города, который живет по тем же нормам, что и окружающие сельские общества [2]. Диктуемые городом условия жизни способствуют секуляризации всех сторон социальной жизни. Расцвет современной городской цивилизации совпадает с упадком традиционной религии. Как и венгерский исследователь М. Мураньи, под традиционной религиозностью мы понимаем тесную связь с какой-либо конфессией, основательное знакомство с системой вероучений и их безоговорочное принятие, строгое следование религиозным заповедям и активное, систематическое участие в богослужениях [3].

Для понимания религиозности как пространственного явления нельзя пройти мимо чикагской школы социологии. Сама религиозность не находилась в центре внимания этой школы. Классик чикагской школы Л. Вирт в качестве важнейших признаков городского образа жизни (урбанизма) называет такие, которые не оставляют место для бытования традиционной религиозности: преобладание деловых, кратковременных, анонимных связей; отмирание соседских связей и общения; уменьшение социального значения семьи и передача многих ее функций различным институтам, превращение большой традиционной семьи в нуклеарную, ослабление связей и зависимости между родственниками; снижение роли традиций в регулировании поведения личности и т. д. [4]. Таким образом, религиозность относилась к несвойственным для городской среды явлениям, за исключением мигрантских гетто [5]. Однако представители школы первыми обратили внимание на феномен пространственной сегрегации городской среды. Э. Берджесс пишет о том, что рост города сопровождается распределением населения по разным местам проживания и профессиональным нишам, приводя к дифференциации города на неоднородные ареалы (концентрические зоны) и образованию локальных сообществ [6].

Один из первых советских социологов, включившихся в изучение проблем религии и атеизма, Ю. А. Левада в качестве ведущих особенностей сельской религиозности называет сравнительно больший компонент ритуализма, религиозно-этические табу, локальную общинность, личное влияние служителя культа, слепое доверие к догмам и т. п. Он пишет, что влияние города расшатывает или полностью устраняет эту специфику. В капиталистической реальности процессы урбанизации и развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве обуславливают упадок или деформацию религиозной жизни. Сюда относятся разрушение локальной общины, скрепленной непосредственно личными узами, переоценка «фрутинных» форм культуры, развитие современных форм хранения и передачи социальной информации. Левада приводит широко известное высказывание Г. Ле Бра о том, что из 100 французских крестьян, переезжающих в Париж, 90, едва выйдя за пределы вокзала, перестают быть верующими (имеется в виду, что перестают посещать церковь) [7].

Проблема перетекания сельского типа религиозности в городской имела и в нашей стране. В послевоенный период Советский Союз переживает процесс превращения из индустриально-аграрной страны в индустриальную. Коллективизация, развитие промышленности, создание новых городов способствовали переселению сельских жителей в города. Если в 1959 году в городской местности проживало менее половины населения СССР (47,8 %), то в 1986 году — уже две трети (65,6 %). Промышленный советский город представлял собой вызов для всех конфессий, вынужденных приспособиться к новым секулярным реалиям. Здесь с первых лет новой власти шел процесс ускоренного высвобождения населения из-под религиозного влияния.

Религиозность сельской местности и безрелигиозность города советскими авторами объяснялась механистически, различием в образовательном уровне: «... чем выше образованность людей, тем выше их уровень атеистической убежденности, и наоборот, чем ниже образование людей, тем ниже их уровень атеистической убежденности» [8]. Подразумевалось, что в городской местности религиозное поле неуклонно сокращается по мере распространения всеобщего образования и в скором времени непременно исчезнет. Усилению атеистического мировоззрения объективно способствовали урбанизация и рост образовательного уровня советских граждан. Как известно, общеобразовательная и высшая школы участвовали в воспитании у учащихся политической лояльности и атеистической убежденности.

Исследователи городской религиозности в СССР в качестве ведущего признака урбанизма рассматривали социально-профессиональную структуру, с преобладанием в ней «передовых» слоев общества: промышленных рабочих, интеллигенции и служащих [9]. Они абсолютизировали влияние социальной структуры общества, при этом игнорируя тот факт, что религиозность как любое социальное явление имеет не только социальное, но и пространственное измерение.

Некоторые исследователи «пережитков религии» в сельской местности обращали внимание на то, что видимая, наблюдаемая часть городской религиозности имела ярко выраженное сельское происхождение и концентрировалась в городском частном секторе. Э. Г. Филимонов, имея в виду баптистов, пишет: *«верующие, прибывшие из сел..., как правило, оседают на окраине городов, ведут подсобное хозяйство. Среди данной категории верующих сохраняются пережитки хозяйственного индивидуализма, мелкобуржуазной психологии»* [10]. Л. Мандрыгин делает похожий вывод. *«Очень часто религиозность держится в пригородах, различного рода местечках и районах, где высок процент мелкобуржуазных источников жизни человека. В пригороде Воронежа... в значительной степени население живет за счет своего огорода, сада, то есть мелкобуржуазных источников»*¹.

Значительным недостатком советской социологии религии являлось узкое понимание термина секуляризация, который фиксирует процесс снижения влияния религии на общество.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма. № 34. Л. 79.

Секуляризация рассматривалась в основном в личностной плоскости как упадок религиозности и распространение атеистического и материалистического типа личности. «Процесс высвобождения из-под влияния религии всех сторон и уровней жизнедеятельности общества и личности и утверждения в общественном и индивидуальном сознании материалистического мировоззрения» [11]. Эмпирических моделей этого процесса, в отличие от конкретных систематизаций, типологий, классификаций, основанных на термине «религиозность», советские ученые не создали. Введенное А. А. Лебедевым понятие «степень секуляризации населения» на практике мало чем отличалось от «степени религиозности и атеизма» [9; 12]. Советские авторы видели только процессы снижения религиозности, зачастую мнимые, и при этом игнорировали другие формы проявления секуляризации.

В отличие от советских, западные авторы дистанцировались от собственно антирелигиозной политики советского государства и могли оценить глубину процесса секуляризации советского общества, которая, по всей видимости, не зависела напрямую от антирелигиозной политики. Исследователя из Турции Надира Девлета интересовало влияние секуляризации на этнические процессы внутри татарского и башкирского этносов. Девлет, ссылаясь на данные социологических и других исследований, почерпнутые из советских источников, признает, что советская антирелигиозная политика в некоторой мере имела успех, поскольку способствовала размыванию этнических устоев: эндогамных установок, которые поддерживались религиозными запретами, и семейных традиций [13].

Обзор современных городских исследований в России показывает, что урбанистическое направление до сих пор остается неинституционализированным: в стране нет авторитетных центров изучения городских сообществ и городской культуры, в отечественных учебниках городская социология не представлена как отдельное и самостоятельное научное направление, в отличие от классических западных учебников, где урбанистические исследования рассматриваются отдельно и основательно [14].

Материалы и методы

Методология исследования опирается на исследования вышеназванных авторов. Религия и религиозность рассматриваются как пространственное явление, как средство адаптации этнической группы к условиям жизни в городе и как фактор поддержания социального порядка. Эмпирической базой исследования послужили материалы социологического изучения уровня религиозности населения Среднего Поволжья, которым в советские годы занимались местные партийные органы под методическим руководством Института научного атеизма при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС). Взаимоотношения власти и религиозных институтов в данный период неплохо описаны благодаря открытым архивам правительственных органов, ответственных за взаимодействие с конфессиями. Гораздо хуже обстоит дело с неофициальными религиозными институтами и практиками. Поскольку цель исследования связана с неформальными религиозными практиками, основным методом изучения является анализ социологических источников советского периода. Такие со-

циологические материалы редко публиковались и доступны по большей части в сохранившихся партийных архивных фондах.

В целях изучения специфики городской мусульманской религиозности автором в апреле–мае 2020 г. проведено исследование методом телефонного интервью среди татар — жителей внутригородских поселков г. Казани (Новое Караваево и п. Северный). Опрошено 104 человека в возрасте от 54 до 87 лет.

Результаты и обсуждение

В поздний период существования СССР пропаганда продолжала внедрять в массовое сознание образ советского человека — атеиста и материалиста. Согласно различным исследованиям, проведенным в конце 1960-х — начале 1970-х годов, доля нерелигиозного населения составляла 74 % в г. Канаш, 78 % в г. Шумерля Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР) [15], 80 % в г. Казани, 82 % в г. Пензе, 85 % в г. Воронеже, 87 % в г. Калуге, 90 % в г. Печоре Коми АССР [16]. Согласно публикуемым данным, в городах верующие были представлены пожилыми, малообразованными людьми, домохозяйками, неквалифицированными рабочими. Преобладающим стал безрелигиозный тип мировоззрения, носителями которого считались образованные, квалифицированные горожане.

Более углубленное изучение проблемы дает несколько иные результаты. По мере поступления данных о повторных исследованиях социологи начали обращать внимание на то, что не происходит ожидаемого естественного угасания религии. В 1966 году казанским Институтом научного атеизма проведено масштабное выборочное изучение взрослого населения г. Казани. 61 % татар пенсионного возраста отнесли себя тогда к верующим мусульманам². Если соотнести нижний пенсионный возраст с исторической хронологией, то выяснится, что личностное становление того поколения пенсионеров завершилось еще до коллективизации и первых пятилеток. Казалось бы, за 20 лет категория пенсионеров должна полностью обновиться, а ей на смену прийти когорта, свободная от религиозного влияния, пополнение с заводов, фабрик и из советских учреждений. Однако к следующему исследованию, проведенному в 1987 году, доля верующих среди казанских пенсионеров-татар поднялась до 66 %³. Таким образом, секуляризация в советском городе не носила необратимый характер.

Из имеющихся в нашем распоряжении данных наиболее показательным для характеристики состояния секуляризованности городов Среднего Поволжья нам представляется исследование, проведенное в драматический период распада коммунистической идеологии, в 1989 году городским комитетом КПСС г. Казани. Исследованием охвачены предприятия, научно-исследовательские учреждения, организации транспорта и связи города, таким образом, опрашивались только работающие граждане, незави-

² Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (Казань) (ЦГАИПД РТ). «Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г. Казани». Ф. 26. Оп. 37. Д. 1089. Л. 263–264.

³ Отчеты Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС о состоянии религиозности населения (по результатам социологического исследования в Приволжском районе г. Казани). ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 934. Л. 2–43.

симо от национальности. Данные говорят о преобладании неверующих и атеистов во всех возрастных группах трудящихся (таблица).

Отношение трудящихся к религии в зависимости от возрастной категории (1989), в %⁴
Казань, n = 721

Возраст	Считают себя :		
	верующими	неверующими	атеистами
18–25 лет	14,3	73,6	12,0
25–35 лет	8,6	82,0	9,5
35–45 лет	17,0	65,6	17,4
старше 45	26,2	52,5	21,1

Картина, получаемая советскими социологами, должна быть признана типичной для горожан, социализированных в смешанных по национальному составу средних школах, проживавших в полученных от предприятий квартирах в многоэтажных жилых домах. Можно утверждать, что религиозность в этой среде, если и имела место, то носила подавляемый и латентный характер. Однако ситуация меняется, если «приблизить картинку» на общем фоне. Сразу проявляются территориальная и социальная разнородность советского города, который состоял не только из исторического центра, «социалистических городков» и «спальных» районов.

В дореволюционные времена мусульманское население в российских городах проживало обособленно, образуя национальные слободы, улицы или кварталы. Советская жилищно-коммунальная политика была направлена на ликвидацию сегрегации городской среды по национальному или религиозному признаку. Однако и много позже 1917 года внутри городов Среднего Поволжья существовали микрорайоны с высокой долей татарского населения и высоким уровнем религиозности. В 1966 году социологи сделали наблюдение, что верующие неравномерно распределены внутри города. Самый высокий процент верующих наблюдается в старых частях Казани с значительной долей татарского населения и малоэтажной жилой застройкой, а самый низкий — в новых микрорайонах многоэтажной застройки [17]. В Приволжском районе, включавшем в себя часть исторических татарских слобод, и в Ленинском районе, объединявшем окраинные городские поселки, религиозными были примерно по 30 % проживавших там татар. А, к примеру, в Советском районе, массовая жилая застройка в котором началась в 1950-е, верующим назвал себя лишь каждый шестой татарин⁵.

Архивы полны сведений о том, что в городах Среднего Поволжья, в частности в Казани, религиозная жизнь наиболее активно проявлялась в городском частном секторе. Молельный дом «секты» евангельских христиан-баптистов действовал в частном доме по улице Светлой в слободе Игумновой (Кировский район, 1979 г.)⁶. Большое число христиан-баптистов проживало в поселках Северный и Сухая Река (Ленинский

⁴ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 1626. Л. 47.

⁵ ЦГАИПД РТ (1967). Ф. 26. Оп. 37. Д. 1089. Л. 262, 264.

⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 43. Д. 873. Л. 9.

район)⁷. В Кировском районе, в Ягодной слободе в 1977 году прекращены молитвенные собрания мусульман, организаторы собраний предупреждены о наказании за нарушение законодательства о культах⁸.

Знакомство с «анкетами» заявителей о легализации мечети в городе Бугульме Татарской АССР показывает, что подавляющая их часть — это вытесненные из сельской среды крестьяне, в том числе ранее раскулаченные и репрессированные⁹. Будущая мечеть представляла собой выкупленный общиной частный жилой дом. К середине 1980-х повсеместно в городах Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) действовали неофициальные мечети в частных домах¹⁰.

Особенности индустриализации и урбанизации в Среднем Поволжье в 1930-40-х гг. заключались в том, что рядом с городами, такими как Казань, Горький, Дзержинск, Уфа, строились и расширялись крупные оборонные предприятия (в г. Казани — Казанское моторостроительное производственное объединение (КМПО), Казанский авиационный завод № 22 им. С. П. Горбунова, Казанский вертолетный завод (КВЗ), Казанский пороховой завод им. Ленина, химпредприятия в г. Дзержинске). Поскольку их производственные процессы требовали большого количества рабочей силы, а строительство жилья для работников сильно отставало от потребности, вокруг заводов вырастали огромные самозастроенные поселки. Как пишет исследователь советской архитектуры М. Г. Меерович, в советской градостроительной системе отсутствовало понятие индивидуального жилища, индивидуальная застройка не планировалась при проектировании новых городских районов и поселков. «В реальности же власть, под давлением обстоятельств, вынуждена была закрывать глаза на присутствие частного жилищного строительства в соцгородах-новостройках и на периферии существовавших городов, чтобы хоть как-то ослабить острейший дефицит жилья» [18].

Жители поселков, преимущественно переселенцы из колхозной деревни, работали на заводах, а в остальном продолжали вести типичный для села образ жизни — заводили подсобное хозяйство, держали в собственности коров, овец и лошадей. Образ жизни людей, ушедших от коллективизации и получивших в городе относительную экономическую свободу, беспокоил государство. Об этом свидетельствует появление постановления бюро ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Постановление коснулось 12,5 млн горожан, имевших в 1958 году свои огороды¹¹. Данное решение было экономически неоправданным и продиктовано идеологическими соображениями¹². Власть полагала, что подсобное хозяйство отвлекает граждан от участия в общественном производстве.

Авторы энциклопедического издания «Ислам в Центрально-Европейской части России», изучая татарскую миграцию в регион периода 1920–1950-х годов, установили такую закономерность, что при поселении в городе крупной (несколько сотен человек)

⁷ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 43. Д. 873. Л. 21.

⁸ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 43. Д. 622. Л. 10.

⁹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-873. Оп. 9. Д. 75. 149 л.

¹⁰ «О деятельности мусульманских религиозных организаций на территории Татарской АССР» (от 2 сентября 1986 года). ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. Д. 403. Л. 83.

¹¹ История советского рабочего класса. В 6 томах. Т. 4. — М.: Наука. 1984. — 592 с.

¹² Аналогичный запрет в отношении рабочих и служащих в 1919 году предполагал принять возглавляемый В.И. Лениным СНК РСФСР. См.: Ленин В.И. (1967). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., С. 28.

группы татар, выходцев из одной местности, всегда возникала неформальная мусульманская община, руководимая наиболее образованным и подготовленным человеком¹³. Как известно, в исламе не предусмотрен институт священничества. Кто угодно, знающий арабский язык достаточно для правильного чтения молитв, может совершать необходимые обряды. Коллективные молитвы могут совершаться где угодно, а не только в мечети. В 1978 году исполнительный комитет (исполком) казанского городского совета депутатов провел своеобразную «перепись» неофициального мусульманского духовенства. Были выявлены 54 человека, нелегально проводившие религиозные службы. Наибольшее их число зафиксировано в Кировском, Ленинском и Советском районах города¹⁴. Неформальные религиозные лидеры, как правило, развивали активную общественную деятельность после выхода на пенсию, поэтому легко уходили из-под контроля государственных и общественных институтов.

В Казани многочисленная группа верующих мусульман (свыше 600 человек) из окраинных поселков Новое Караваяево и Северный в 1976 году ходатайствовали о регистрации религиозной общины. Необходимость второй мечети в городе обосновывалась ими отдаленностью от единственной на тот момент мечети, действовавшей в центре (до 15 км). Уполномоченному Совету по делам религий удалось установить, что «верующие, проживающие в Московском районе, регулярно проводят молитвенные собрания по пятницам не менее чем в 10 пунктах по 15–30 человек. Во избежание административного наказания, которое при первом случае нарушения законодательства о культах предусматривает предупреждение, каждый раз молитвенные собрания проводятся по новым адресам и под руководством чередующихся служителей культа»¹⁵.

Приобщение к религиозной вере у городских верующих происходило в семье. Среди выявленных исследованием в Казани в 1966 году верующих 80 % указали, что приобщились к вере под влиянием родителей¹⁶. Причиной прихода к вере стало не чтение религиозной литературы или страх перед загробной жизнью, в существовании которой их в конце концов можно было бы переубедить, а полученное в семье и в старой конфессиональной школе воспитание. Религиозность носила характер традиции, передаваемой из поколения в поколение. При изучении общины бугульминской мечети в 1967 году 67 % верующих признали, что хранят у себя дома Коран и другие старинные книги [19]. Хранение и бережное отношение к старинным книгам, доставшимся по наследству, говорит об устойчивости и преемственности религиозных традиций.

Автор в 2020 году провел исследование состояния религиозности в одном из окраинных жилых массивов г. Казани (п. Северный). Выбор объекта продиктован компактным проживанием татарского населения и высоким уровнем его религиозности. В поселке Северный после долгого противостояния с местными властями в 1983 году зарегистрирована вторая в Казани мусульманская религиозная община. По данным специальных исследований, жилье в этом микрорайоне не пользуется спросом на рынке недвижимости [20], что способствует стабильности социальной структуры и национально-

¹³ Ислам в Центрально-Европейской части России. Энцикл. слов. – М.: Медина, 2009. – 403 с.

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 9. Д. 131. Л. 68.

¹⁵ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 9. Д. 131. Л. 87.

¹⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1089. Л. 267.

го состава населения. Выборка подобрана таким образом, чтобы охватить татар — жителей поселков, которые застали советские времена в сознательном возрасте.

Опрос показал, что у большинства опрошенных родители были верующими. Многие респонденты указывали на факты подавления религиозных чувств верующих, что сказывалось и на демонстрируемом религиозном (ритуальном) поведении городских татар. Например, верующие усвоили, что «нельзя вслух говорить о своей вере». Такой элемент благочестивого поведения, как демонстрация религиозной веры, в советской обыденной жизни считался поступком предосудительным, поэтому религиозность становится латентной. Респонденты по этому поводу говорили следующее: «Никто не запрещал верить в Аллаха, [вера] была у каждого внутри» (Гөлфия, 58 лет); «Татары внутри все верили, но на улице никто об этом не шумел» (Рәшидә, 71 год). Некоторые из опрошенных критично высказывались относительно современного состояния веры и религиозности: «Нельзя напоказ выставлять свою веру, вера должна быть в душе», Факия, 74 года). Имелся некоторый отрыв религиозного сознания мусульман от предписываемого религиозного поведения. Большинство верующих охотно воспринимали различные послабления, касающиеся чтения молитвы, мусульманского поста и других элементов мусульманской религиозной практики.

Верующие воспроизводили в местах своего обитания элементы самоорганизации традиционной крестьянской общины, включая соседские отношения с единоверцами, благодаря чему религиозность в данном социуме оставалась социальной нормой не только для стариков, но и для новых поколений. Что касается неверующих, то респонденты высказывали отрицательное мнение по поводу соседства с ними: «Неверующие были кругом (езде)» («ханым», не представилась по имени, 80 лет); «Многие из моих верующих соседей до сих пор живы, а неверующие — бездельники, пьяницы — на том свете» (Әхмәтгәрәй, 84 года). Отвечая на вопрос «Каких людей было больше среди ваших соседей в советское время — верующих или неверующих», 38,5 % ответили, что было больше верующих, 27 % — что и тех и других было примерно поровну, 19 % ответили, что неверующих было больше. О степени конформности и адаптивности городских мусульман говорит тот факт, что большинство респондентов дали утвердительный ответ на вопрос о членстве в комсомоле (66 человек), и только 8 ответили, что в комсомоле не состояли.

В таких условиях вырабатывались свойства «советской» городской религиозности: латентность, адаптивность, фемининность, «обрядовость», приватность и такие формы поведения верующих мусульман, как стремление к воссозданию в городе привычных общинных форм самоорганизации, особое уважение к «народному» духовенству, недоверие к государственным институтам. Исследование показало, что потомки татар-переселенцев из сельской местности, жителей Казани первого поколения, сохраняли свою религиозность, а также в той или иной мере передавали ее своим детям и далее внукам. Этим можно косвенно подтвердить то, что религиозность не была исключительно привычкой или семейной традицией и в большей мере была выражением личных убеждений.

За пределами национальных республик, в городах, куда мигрировало татарское население из Среднего Поволжья, религиозность сохраняли мигранты из сельской местности, в то время как их дети и внуки ее утрачивали [21]. Те единичные мечети, действовавшие в столичных и областных центрах, играли важную роль в консолидации

и интеграции татарского населения в иноязычном этническом окружении. О том, что мечети в городах Москва, Ленинград, Пенза становились местом притяжения для татарского населения, сообщает в своем докладе ученый секретарь Института научного атеизма Ю. П. Зуев: «конфессиональные организации служат средством и местом удовлетворения потребности в национальном общении», «при этом мечети, молитвенные дома обычно служат представителям соответствующих национальностей и для того, чтобы поговорить на родном языке, обсудить земляческие дела, договориться о помощи ..., то есть играют роль своеобразного национального клуба»¹⁷.

Городская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества

Ислам исторически сложился в качестве городской религии [22]. Для городского ислама особенно свойственна высокая общественная активность. После отмены в 1990 году ограничений на деятельность религиозных организаций и утраты обязательной силы антирелигиозных постановлений ЦК КПСС религиозные организации обрастают общественными организациями, действующими в русле реформистского движения, благотворительными организациями и фондами, просветительской, издательской деятельностью, то есть всем тем, что отличало мусульманскую общину в российских городах в период 1905–1917 гг. «Городская» религиозность как массовое публичное явление у татар возрождается в постсоветский период. В короткий период развала СССР многие авторы продолжают указывать на этнический характер мусульманского вероисповедания среди народов Российской Федерации. По наблюдению А. Давлетшина, в 1980-е годы мусульман, не владевших языком какого-нибудь традиционно мусульманского народа бывшего СССР, в стране почти не было [23]. Этнический характер ислама в Москве, Казани и других городах России способствовал укреплению связи верующих со своей этнической группой. В начале 1990-х гг. «вернувшиеся к вере» этнические мусульмане, не владевшие родным языком, приобщившись к исламу, принимались изучать язык своих предков, испытывали интерес к национальной культуре и истории. Связь между религиозностью и национальностью происходила через татарский язык — язык проповедей.

В настоящее время религиозность приобретает много новых черт, которые не были ей свойственны в дореволюционный и в советский периоды. Этому периоду характерно зарождение в городах Среднего Поволжья новых форм религиозной жизни, подобных т. н. «новым религиозным движениям» и фундаменталистскому исламу мигрантских гетто на Западе. Мусульманская община в городах Среднего Поволжья становится полиэтнической. Полиэтничность вместе с появлением большого числа альтернативных каналов религиозной социализации делает общину более разнородной и более конфликтной. Доминирование мигрантов и неофитов ведет к отрыву верующих Среднего Поволжья от сохранявшихся по сей день локальных религиозных и национальных традиций и способствует распространению направлений глобалистского толка.

Изучению внутренних процессов в мусульманской среде препятствует недостаток новых подходов к изучаемой проблеме. Традиционные социологические методы выявляют высокий уровень религиозности российского населения, который не корре-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 86. Л. 12.

лирует с реальным религиозным поведением [24]. Современные околорелигиозные авторы, пишущие на тему различий в сельской и городской религиозности у мусульман Среднего Поволжья, «городской» ислам рассматривают, с одной стороны, как более аутентичный [25], а с другой — как «осовремененный» русскоговорящий [26]. Региональный ислам, если вообще попадает в поле их зрения, представляется им «периферийным», наполненным вредными для веры заблуждениями. На наш взгляд, актуальным сегодня является изучение городской мусульманской религиозности как социокультурного явления, которое претерпевает изменения под влиянием социальных обстоятельств. К таким изменениям мы относим девальвацию этнорелигиозных ценностей и отдаление от региональной конфессиональной ментальности.

Выводы

Городская мусульманская религиозность в советские времена была трудноотделима от сельской, поскольку в условиях стремительной урбанизации основную массу верующих составляли переселенцы из сельской местности и их потомки. Известные историкам неофициальные мечети и общины в городах Среднего Поволжья и за его пределами создавались выходцами из сельской местности. Свойства религиозности у городских и сельских татар были общими, включая отсутствие стремления к демонстрации своей религиозной идентичности, поверхностное знание основ вероучения, неотделимость национальных, семейных традиций от религиозных, «фемининность», «обрядовость», недоверие к государственным институтам и т. д.

Внутри советских городов существовали различные переходные типы поселений и зон. Верующие предпочитали селиться на окраинах городов, привлекавших их возможностью вести приближенный к крестьянскому образ жизни. Верующие татары-горожане и в советский и в постсоветский периоды сохраняют свои сельские и крестьянские корни. В крупных городах за пределами татарской и башкирской автономий татары, в отличие от многих других этнических диаспор, благодаря религии не стали номинальной группой или статистической совокупностью. В постсоветское время происходит размежевание между городским и сельским типами религиозности.

Предлагаемое в статье представление о религиозности как о пространственном явлении способно дать новые знания о феномене современного города, который привычно воспринимается как анонимное, отчужденное и т. п. пространство. На основе изучения городской религиозности формируется более точное представление о формах соседской общины и самоорганизации верующих.

Список источников

1. Sorokin, P. Principles of rural-urban sociology / P. Sorokin, C. C. Zimmerman. – New York : H. Holt, 1929. – 652 p. – Direct text.
2. Вебер, М. Город / М. Вебер. – Перевод изд.: The city / Max Weber, 1921. – Текст : непосредственный // История хозяйства. Город / М. Вебер ; перевод с немецкого ; под редакцией И. Гревса. – Москва : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – С. 335–486.

3. Мураньи, М. Психологические проблемы атеистического воспитания студенчества / М. Мураньи. – Текст : непосредственный // Вопросы научного атеизма. Выпуск 21. Атеизм и религия в условиях социалистического общества. – Москва : Мысль, 1977. – С. 170–180.
4. Вирт, Л. Гетто / Л. Вирт. – Перевод изд. : The ghetto / Luis Wirth. Chicago, 1928. – Текст : непосредственный // Чикагская школа социологии : сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований ; перевод с английского. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 107–165.
5. Wirth, L. Urbanism as a way of life / L. Wirth. – Direct text // Cities and society / Edited by P. Hatt, A. Reiss. – New York : Free press of Glencoe, 1957. – P. 46–63.
6. Бёрджесс, Э. У. Рост города : введение в исследовательский проект / Э. У. Бёрджесс. – Перевод изд. : The growth of the city : An introduction to a research project / Ernest Watson Burgess. The city. Chicago, 1925. – Текст : непосредственный // Чикагская школа социологии : сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований ; перевод с английского. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 20–34.
7. Левада, Ю. А. Социальная природа религии / Ю. А. Левада ; Академия наук СССР, Институт философии. – Москва : Наука, 1965. – 261 с. – Текст : непосредственный
8. Лебедев, А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. – Москва : Политиздат, 1976. – 70 с. – Текст : непосредственный.
9. Лебедев, А. А. Секуляризация населения социалистического города / А. А. Лебедев. – Текст : непосредственный // К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). – Москва : Мысль, 1970. – С. 132–159.
10. Филимонов, Э. Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности : итоги, проблемы, перспективы / Э. Г. Филимонов. – Текст : непосредственный // Вопросы научного атеизма. Выпуск 16. – Москва : Мысль, 1974. – С. 71–88.
11. Лопаткин, Р. А. Возможности социологического исследования процесса секуляризации / Р. А. Лопаткин. – Текст : непосредственный // Вопросы религии и религиоведения. Выпуск 1 : Антология отечественного религиоведения : сборник. Часть 1 : Институт научного атеизма. – Москва : РАГС, 2009. – С. 377–386.
12. Соловьев, В. С. Атеизм и формирование нового человека. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1979. – 167 с. – Текст : непосредственный.
13. Devlet, N. Islamic revival in the Volga-Ural region / N. Devlet. – Text : electronic // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1991. – Vol. 32, Issue 1. – P. 107–116. – URL: <https://www.jstor.org/stable/20170768>
14. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения / Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин, О. В. Лабунова, Н. Н. Сазонова. – Текст : электронный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 248–267. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>

15. Кудряшов, Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей / Г. Е. Кудряшов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1974. – 355 с. – Текст : непосредственный.
16. Рогачев, М. Б. Влияние городского образа жизни на процесс упадка религиозности верующего / М. Б. Рогачев. – Текст : непосредственный // Традиционная культура и быт народа Коми. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1978. – С. 118–128.
17. Валеев, М. Социологическое исследование и атеистическое воспитание / М. Валеев. – Текст : непосредственный // Партийная жизнь. – 1968. – № 8. – С. 56–61.
18. Меерович, М. Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации / М. Г. Меерович. – Текст : непосредственный // Советское градостроительство. 1917–1941. Книга первая. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 180–239.
19. Тагиров, Р. Г. Критерии религиозности и типология современного верующего (На примере ислама) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Казань, 1972. – 127 с. – Текст : непосредственный.
20. Старикова, М. М. Рынок жилья как отражение жилищной стратификации городов / М. М. Старикова. – Текст : электронный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5. – С. 403–429. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>.
21. Старовойтова, Г. В. Проблемы этносоциологии иноэтнической группы в современном городе (на материалах исследования татар в Ленинграде) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ленинград, 1980. – 219 с.
22. Уотт, У. Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу / У. Монтгомери Уотт ; перевод с английского. – Текст : непосредственный. – Москва : Наука, 1976. – 128 с. – Перевод изд.: *The influens of islam on medieval Europe* / W. Montgomery Watt. Edinburgh, 1972. – Текст : непосредственный.
23. Давлетшин, А. Новые мусульмане. Десять лет наблюдений / А. Давлетшин. – Текст : электронный // Рамазановские чтения. – 2007. – № 2. – URL: <http://www.islamrf.ru/news/library/books/4239>.
24. Возьмитель, А. А. Социология религии в России : проблемы и перспективы / А. А. Возьмитель. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 110–117.
25. Бустанов, А. «Триумф городского ислама стал главной особенностью постсоветского времени» / А. Бустанов. – Текст : электронный // Бизнес Online : деловая электронная газета. – 2020. – 16 авг. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/477944> (дата обращения: 11.08.2023).
26. Батыр, Р. «Русский язык ислама пришел к нам навсегда» / Р. Батыр. – Текст : электронный // Бизнес Online : деловая электронная газета. – 2020. – 01 фев. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/455883> (дата обращения: 11.08.2023).

References

1. Sorokin, P., & Zimmerman, C. C. (1929). *Principles of rural-urban sociology*. New York, H. Holt, 652 p. (In English).

2. Weber, M. (1921). The City. (In German).
3. Murányi, M. (1977). Psikhologicheskie problemy ateisticheskogo vospitaniya studenchestva. Voprosy nauchnogo ateizma=Questions of Scientific Atheism. Vypusk 21. Ateizm i religiya v usloviyakh sotsialisticheskogo obshchestva. Moscow, Mysl' Publ., pp. 170-180. (In Russian).
4. Wirth, L. (1928). The ghetto. Chicago (IL), University of Chicago press, pp. 1-39, 200-205, 222-226, 263-291. (In English).
5. Wirth, L. (1957). Urbanism as a way of life. Cities and society. New York, Free press of Glencoe, pp. 46-63. (In English).
6. Burgess, E. W. (1925). The growth of the city: An introduction to a research project. The city. Chicago (IL), University of Chicago press, pp. 47-62. (In English).
7. Levada, Yu. A. (1965). Sotsial'naya priroda religii. Moscow, Nauka Publ., 261 p. (In Russian).
8. Lebedev, A. A. (1976). Konkretnye issledovaniya v ateisticheskoy rabote. Moscow, Politizdat Publ., 70 p. (In Russian).
9. Lebedev, A. A. (1970). Sekulyarizatsiya naseleniya sotsialisticheskogo goroda. K obshchestvu, svobodnomu ot religii (Protsess sekulyarizatsii v usloviyakh sotsialisticheskogo obshchestva), Moscow, Mysl' Publ., pp. 132-159. (In Russian).
10. Filimonov, E. G. (1974). Sotsiologicheskie issledovaniya protsessa preodoleniya religii v sel'skoi mestnosti: itogi, problemy, perspektivy. Voprosy nauchnogo ateizma=Questions of Scientific Atheism. Vypusk 16, Moscow, Mysl' Publ., pp. 71-88. (In Russian).
11. Lopatkin, R. A. (2009). Vozmozhnosti sotsiologicheskogo issledovaniya protsessa sekulyarizatsii. Voprosy religii i religiovedeniya. Vypusk 1: Antologiya otechestvennogo religiovedeniya. Chast' 1: Institut nauchnogo ateizma, Moscow, RAGS Publ., pp. 377-386. (In Russian).
12. Solov'yev, V. S. (1979). Ateizm i formirovanie novogo cheloveka. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 167 p. (In Russian).
13. Devlet, N. (1991). Islamic revival in the Volga-Ural region. Cahiers du monde russe et soviétique, 32(1), pp. 107-116. (In English). Available at: <https://www.jstor.org/stable/20170768>
14. Shabaev, Yu. P., Sadokhin, A. P., Labunova, O. V., & Sazonova, N. N. (2018). Anthropological understanding of the city and urban research methodology. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (3), pp. 248-267. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
15. Kudryashov, G. E. (1974). Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya perezhitkov chuvashy. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 355 p. (In Russian).
16. Rogachev, M. B. (1978). Vliyanie gorodskogo obraza zhizni na protsess upadka religioznosti veruyushchego. Traditsionnaya kul'tura i byt naroda Komi, Syktyvkar, Komi filial of AN SSSR Publ., pp. 118-128. (In Russian).

17. Valeev, M. (1968). Sotsiologicheskoe issledovanie i ateisticheskoe vospitanie. Partiy'naya zhizn', (8), pp. 56-61. (In Russian).
18. Meerovich, M. G. (2018). Kontseptsiya «sotsialisticheskogo goroda» i praktika ee realizatsii. Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917-1941. Kniga pervaya. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., pp. 180-239. (In Russian).
19. Tagirov, R. G. (1972). Kriterii religioznosti i tipologiya sovremennogo veruyushchego (Na primere islama). Diss. ... kand. filos. nauk, 127 p. (In Russian).
20. Starikova, M. M. (2020). Housing Market as a Reflection of Urban Housing Stratification. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (5), pp. 403-429. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>
21. Starovoytova, G. V. (1980). Problemy etnosotsiologii inoetnicheskoy gruppy v sovremennom gorode (na materialakh issledovaniya tatar v Leningrade). Diss. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 219 p. (In Russian).
22. Watt, W. Montgomery (1972). The influens of islam on medieval Europe. Edinburgh, 128 p. (In English).
23. Davletshin, A. (2007). Novye musul'mane. Desyat' let nablyudeniy. Ramazanovskie chteniya, (2). (In Russian). Available at: <http://www.islamrf.ru/news/library/books/4239>
24. Voz'mitel, A. A. (2007). Sociology of religion in Russia - issues and prospects. Sotsiologicheskie issledovaniya, (2), pp. 110-117. (In Russian).
25. Bustanov, A. (2020). "Triumf gorodskogo islama stal glavnoy osobennost'yu postsovetskogo vremeni". (In Russian). Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/477944>
26. Batyr, R. (2020). "Russkiy yazyk islama prishel k nam navsegda". (In Russian). Available at: <https://www.business-gazeta.ru/blog/455883>

Информация об авторе / Information about the author

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, социолог, ГБУ «Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», г. Казань, makhmud_e@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Mansour V. Kildeyev, Candidate of Sociology, Social Scientist, "Navigator" Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Kazan, makhmud_e@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.